

Е.В. ПИНЮГИНА*

**СТОЛЕТИЕ ПОМЕСТНОГО СОБОРА
И ОТГОЛОСКИ «ЦЕРКОВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» 1917 г.:
ВЕКТОРЫ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ РУКОВОДСТВА РПЦ
И ЦЕРКОВНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Аннотация. Статья посвящена отличиям в политике памяти руководства РПЦ и отдельных представителей церковной интеллигенции в год юбилея Поместного собора Российской православной церкви в 1917–1918 гг. и церковной революции 1917 г. Интеллигенция использует коммеморацию для критики авторитарных практик современного церковного управления, выдвигая на первый план такие принципы Собора, как выборность руководства и вовлеченность общества в церковную жизнь. Официальный дискурс подчеркивает, что главное достижение Собора – восстановление патриаршества, без упоминания важности демократических выборных процедур и решения о приоритете Собора над персонифицированной властью.

Ключевые слова: политика памяти РПЦ; церковное руководство и интеллектуалы; юбилей Поместного собора 1917–1918; воспоминания о церковной революции; общество в жизни церкви; демократия и выборы в церкви; критика церковного управления.

Для цитирования: Пинюгина Е.В. Столетие Поместного собора и отголоски «церковной революции» 1917 г.: Векторы политики памяти руководства РПЦ и церковной интеллигенции // Политическая наука. – М., 2018. – № 3. – С. 85–109. – DOI: 10.31249/poln/2018.03.04

* Пинюгина Елена Викторовна, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела политической науки ИНИОН РАН, e-mail: pinjugina@mail.ru

Pinyugina Elena, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: pinjugina@mail.ru

© Пинюгина Е.В.

DOI: 10.31249/poln/2018.03.04

E.V. Pinyugina

The centennial of All-Russian General Council of the Russian Orthodox Church and echoes of «the 1917 Church revolution»: Politics of memory of the heads and intelligentsia of the Russian Church

Abstract. The article is about today's reflection of intellectuals representing the Russian Orthodox Church's on anniversary of reformatory General Council activity in 1917–1918 and the so called «Church revolution of 1917» versus Church official discourse. Intellectuals use the politics of memory to criticize nowadays Church and highlight the Legitimacy of Council's decisions based on the principle of election and involvement of society in church's life. The main idea of Church officials commemoration is to underline the only one decision of Council – rehabilitation of Patriarch without respect to democratic election procedures and priority of democratic elected Council over personal power.

Keywords: the politics of memory in Russian Orthodox Church; Church General Council 1917–1918 anniversary; Church revolution of 1917; bishops election; society in church's life; church reformatory activity; nowadays Russian church problems; criticism of Church government.

For citation: Pinyugina E.V. The centennial of All-Russian General Council of the Russian Orthodox Church and echoes of «the 1917 Church revolution»: Politics of memory of the heads and intelligentsia of the Russian Church // Political science (RU). – M., 2018. – N 3. – P. 85–109. – DOI: 10.31249/poln/2018.03.04

Введение

Для Русской православной церкви 2017 год был отмечен юбилеем эпохального события столетней давности – созыва Поместного собора (канонического высшего органа управления территориальной церкви в православной традиции), начавшегося в августе 1917 г. и продолжавшегося более года, до осени 1918 г., когда политические обстоятельства не позволили его участникам продолжить работу. Юбилей стал пространством коммемораций, инициированных, с одной стороны, руководством РПЦ, а с другой – рядом представителей церковной интеллигенции (включая и мирян, и священнослужителей). Два этих вектора интерпретаций значения Собора 1917 г. заметно различаются. Рассмотреть их в сопоставлении с историческим контекстом Собора 1917 г. представляется крайне своевременным, с учетом растущей роли церкви в образовательной и культурной политике России, а также ее за-

метного стремления опираться на государственный ресурс для защиты своего влияния, репутации и интересов.

В первой части статьи будет охарактеризована политика памяти руководства РПЦ относительно Собора, с использованием анализа текстов официального дискурса (речи Патриарха Кирилла и интервью главы Отдела внешних церковных сношений митрополита Волоколамского Илариона) и «среза» проводимых мероприятий. Во второй части кратко представлены контрапункты исторического материала, представляющие вызов церковному осмыслению в рамках официальной политики памяти о Соборе. В последней части будет рассмотрен альтернативный официальному вектор политики памяти, формируемый в дискурсе столетия Собора православной интеллигенцией.

Политика памяти руководства РПЦ

Руководство РПЦ вспоминает о юбилее Собора в контексте осмысления столетия революционного 1917 г., с акцентом на трагические последствия для России революции как таковой, без раздельного осмысления значения для церкви февраля и октября 1917 г., хотя Поместный собор не случайно начал свою работу именно в период между двух революций (*см. подробнее во второй части статьи*). Так, после богослужения 19 февраля 2017 г. в храме Христа Спасителя Патриарх Кирилл назвал революцию «великим преступлением» [Патриарх Кирилл назвал... 2017], не упомянув ни о том, что значительная часть церкви – от епископов до православных мирян – встретила Февральскую революцию оптимистично, ни о том, почему многие представители государственной церкви, включая ее «управленческую страту» – епископат, позитивно отнеслись к отречению монарха и смене политической повестки.

Второй характерной чертой дискурса руководства РПЦ является указание на восстановление патриаршества как основное достижение, первоочередную и главную задачу Собора. Вот цитата из юбилейной речи Патриарха Кирилла после торжественной литургии в день 100-летия открытия Поместного собора: «Церковь, принужденная молчать, не могла в самый критический момент истории мобилизовать людей, сказать им правду, потому что

не было того, кто бы эту правду выразил. Вот почему Поместный собор первой своей задачей поставил восстановление Патриаршества, восстановление законной канонической власти [Слово Святейшего... 2017]. Не конкретизируя, Патриарх Кирилл констатирует далее: «Многие из соборных решений естественно утратили свою актуальность и не могут применяться в современной жизни». При этом, говоря о рецепции некоторых достижений Собора, он указывает на использование в наши дни опыта Предсоборного присутствия (совещательной комиссии с участием клириков и мирян, готовившей с 1905 г. материалы для обсуждения на будущем Соборе) – преемником этого органа называя институт Межсоборного присутствия, где «проекты решений создаются соборным разумом, при участии епископата, духовенства, монашествующих, мирян», не упоминая об участии мирян в Поместном соборе столетней давности с равным правом голоса и о том, что они составляли большинство участников – т.е. о практиках, утраченных в наши дни [там же]. Далее Патриарх называет осуществлением и развитием идей Собора воссоздание крупных региональных единиц церковной структуры – митрополий, отмечает как достижение умножение – по сравнению с 1917 г. – епископских кафедр до 378, подчеркивает, что именно «вокруг правящего архиерея создаются духовно-интеллектуальные центры, как местная интеллигенция и духовенство совместно размышляют о судьбах своего края, страны, Церкви» [там же]. Такой акцент создает ощущение, что важной задачей Собора 1917 г. было усиление церковной вертикали власти, и одновременно утверждает образ единомыслия и согласия современной церковной интеллигенции и епископата.

В своей речи Патриарх аккуратно обходит проблему кризиса церковно-государственных отношений в Российской империи, достигшего апогея в правление Николая II: «Хотя власть была православная и многое делала для Церкви, для православного просвещения, Церковь, тем не менее, утратила всякую возможность обращаться к людям напрямую по вопросам, связанным с жизнью страны, общества, государства. От имени Церкви говорил глава государства, но в моменты потрясений голос государя многие перестали слушать» [там же]. Умолчание о том, что в первую очередь «голос государя» не хотели слушать именно носители высшей церковной власти – архиереи, как и о причинах такого нежелания, создает неверное ощущение единогласия церкви и по-

следнего монарха, не желавшего перемен как в церковной, так и в общественной жизни.

Следующий акцент официального дискурса – на восприятии Собора как сонма мучеников, а не реформаторов, что было подчеркнуто установлением в церковном календаре в мае 2017 г. нового праздника – Дня Памяти Отцев Поместного Собора 1917–1918 гг., ставших новомучениками и исповедниками Российскими (так в РПЦ принято называть священнослужителей и мирян, жертв большевистского террора). Патриарх отмечает, что, несмотря на гибель многих участников Собора в ходе Гражданской войны, террора и репрессий, «он был не напрасно», молитвенная поддержка мучеников – участников Собора с небес, где они теперь пребывают, помогает современной церкви «идти тем путем, о котором мечтали отцы Собора», но, не конкретизируя, констатирует: «Многие из соборных решений естественно утратили свою актуальность и не могут применяться в современной жизни» [Слово Святейшего... 2017]. Таким образом, создается ощущение консенсуса в церкви о неприменимости, а значит, и незначительности в наши дни не менее важных, чем восстановление патриаршества, с точки зрения участников Собора, решений – о выборности епископов, реформе прихода, контроле за финансово-хозяйственными делами церкви органом Высшего церковного управления, формируемым из клириков и мирян, на выборной основе.

Второе лицо в иерархии РПЦ Митрополит Волоколамский Иларион, глава Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии, в приуроченном к столетию Собора интервью «Российской газете» также акцентирует внимание на преступности революционеров-палачей и на восстановлении патриаршества как основном достижении Собора и залоге нормализации церковной жизни. Переходя к рецепции достижений Собора в наши дни, он развивает идею того, что сильная власть Патриарха необходима и сегодня укрепляет Церковь: «У него в Церкви реальная исполнительная власть и очень широкие полномочия, которые прописаны в церковном уставе. А кроме того, у Патриарха есть личный авторитет, который распространяется на всю Церковь, – епископат, клир и миллионы мирян» [Истина... 2017]. Митрополит характеризует в этом интервью как главное юбилейное мероприятие 2017 г. Архиерейский собор, не упоминая такого принципиального отличия Соборов 1917 г. и 2017 г., как состав их полноправных

участников: в 1917 г. большинство соборян составили избранные делегаты-миряне, также высок был процент участников из рядовых клириков, тогда как 100 лет спустя юбилейный собор формируется исключительно из представителей высшего церковного сословия – архиереев.

Таким образом, сегодня высшие иерархи РПЦ не затрагивают тему настойчивого стремления церкви к независимости от власти в начале XX в., в том числе и для проведения внутренних реформ. Умалчивают они и о событиях церковной революции 1917 г., когда архиереи «сверху» позитивно приняли смену правления с православной монархии на республиканское Временное правительство, а массы рядовых клириков и мирян «снизу», за короткое время наступившей свободы церкви – от Февральской революции до большевистских гонений – внедрили в практику церковной жизни выборное начало. Также власти РПЦ не упоминают, что Поместный собор был демократическим, как по составу, так и по принципам работы, и что его участниками важность многих реформаторских решений, внедрению которых помешало установление большевистской диктатуры, расценивалась в одном ряду с дискуссионным для них (а не бесспорным) вопросом о восстановлении патриаршества, тесно связанным с вопросом о том, кому принадлежит полнота власти в церкви. Тем более не упоминается принятие соборными решения о соборном управлении церковью, ограничивающем власть патриарха.

Надо отметить, что в русле официальной церковной политики памяти под эгидой РПЦ был проведен ряд мероприятий, международных и российских научных конференций, где докладчики более полно и объективно рассматривали разные аспекты созыва и работы Собора 1917 г., включая вопрос о власти Патриарха в церкви (подробнее о разнообразных конференциях см.: [Журналы... 2017]). В докладах на одной из них – «Уроки столетия: Поместный Собор 1917–1918 гг. в истории и современной жизни Русской Церкви», состоявшейся 22 августа 2017 г. в Москве, церковные ученые А.И. Мраморнов, возглавляющий научно-исследовательский проект по изданию деяний Поместного собора, и священник Д. Сафонов, в отличие от речей и интервью иерархов церкви, раскрывают неоднозначность для участников Собора вопроса о патриаршей власти, описывают дискуссии о возрождении патриаршества и полемику о нахождении компромисса между церковно-

канонической традицией управления и исходящим от мирян и клириков требованием соборности или народоправства [Конференция... 2017]. В то же время церковные ученые, признавая уникальность Собора с точки зрения сочетания представительности, демократичности процедур и масштаба решенных задач, разъясняя, чем «соборность, как отличительная характеристика работы Поместного собора 1917 г., отличается от простой коллегиальности», подчеркивают, что «для Церкви выборность – возможно, оптимальный, но далеко не единственный механизм осуществления соборности. Соборное управление, когда вся церковная община вовлекается в устройство жизни, гораздо шире выборной процедуры» [Сунайг, 2017]. Церковную революцию 1917 г. А.И. Мраморнов оценивает негативно, полагая, что очищение кадров епископата «должно было происходить легальным каноническим путем, а не путем “революционного” изменения правил», но признает ее положительное влияние на подготовку епархий к проведению Собора [там же].

В Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете в ноябре 2017 г. состоялась международная научная конференция «Собор и соборность: К столетию начала новой эпохи», где в одном из докладов старший научный сотрудник Центра истории религии и церкви Института всеобщей истории РАН А.Л. Беглов напомнил, что на Соборе вопрос был поставлен не только о патриаршестве как таковом, но и о «экклесиологических моделях дальнейшего существования Российской церкви: речь шла об “общественной” модели, в которой акцент делался на обществе верующих, и “институтной”, в которой доминировал иерархический принцип, и о попытке их синтеза, предпринятой Н.Д. Кузнецовым». При этом докладчик подчеркнул, что именно синтетический подход лег в основу работы и решений Собора [Международная... 2017].

Обстоятельства созыва Собора, его процедурная и содержательная часть

Для понимания вопросов, вызывающих различные интерпретации акторов церковной политики памяти, необходимо рассмотреть то, что остается за скобками дискурса руководства РПЦ и обычно является достоянием аудитории церковно-исторических

научных конференций, в том числе и приуроченных к юбилею Собора. В первую очередь это обстоятельства созыва Собора, его процедурная и содержательная части. Обстоятельства созыва Собора включали предшествующий кризис церковно-государственных отношений, обострение внутрицерковных противоречий и церковную революцию.

Кризис церковно-государственных отношений

В основе кризиса лежало стремление многих архиереев, клириков и православной интеллигенции освободить церковь от ограничений учрежденной Петром Первым синодальной системы управления, превратившей императора в главу церкви, а ее – в одно из государственных ведомств, подчиненное специальному чиновнику – назначаемому императором обер-прокурору. Обер-прокурор курировал работу Святейшего синода (органа, куда входили несколько архиереев, а также протопресвитеры (руководители) военного и дворцового духовенства) и имел в каждой епархии своих представителей (секретарей). Церкви приходилось выполнять ряд бюрократических, пропагандистских, а также полицейских функций, что не соответствовало ее миссии.

Одновременно развивалось и другое измерение кризиса: далеко не весь клир поддерживал политику главы государства, являвшегося одновременно главой церкви. Часть священников и преподавателей духовных учебных заведений вместо отождествления себя с властью разделяли интересы общества – одни примыкали к политической оппозиции, другие – к рабочему движению. Так, послужившие толчком революции 1905 г. события Кровавого воскресенья были инициированы священником Г. Гапоном, возглавившим массовое шествие безоружных рабочих. Его роль можно оценивать по-разному (исходя из данных о его сотрудничестве с охранкой), но факт остается фактом: именно священник в поисках ненасильственной формы протеста соединил западный формат гражданского профсоюзного движения с русскими церковными крестными ходами и патерналистской традицией обращения народа с жалобами «доброму царю». При этом архиереям и клирикам – монархистам, сторонникам «твердой руки», политика царя после первой русской революции казалась недостаточно жесткой, неко-

торые из них стали сотрудничать с крайне правыми, так называемыми черносотенными политическими организациями.

Вне зависимости от политических симпатий, и высшие, и рядовые клирики сходились в необходимости реформы церковного управления и упразднении государственного контроля над церковью. На рубеже 1904–1905 гг. петербургский митрополит Антоний (Вадковский) передал Николаю II доклад «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви». В начале 1905 г. движение столичного духовенства и церковной профессуры, известное как «группа 32-х священников», выступило против сервилистской роли церкви в государстве и за внутрицерковные реформы с учетом реалий современности [Балакшина, 2014]. Тогда же премьер-министр С.Ю. Витте представил царю список мер необходимой церковной реформы: созыв Собора с участием мирян, превращение таких соборов в регулярную практику, избрание Патриарха, представительность всех епархий на уровне Синода, улучшение материального обеспечения священнослужителей. На разосланные вскоре после этого по епархиям опросники о целесообразности реформы «ответы были готовы уже к концу 1905 г., и из них составилось пять больших томов, официально изданных Св. Синодом. Подавляющее большинство епископов резко критиковало синодальный строй и требовало широких и разнообразных реформ» [Карташев, 1942]. В качестве компромисса царь санкционировал только подготовительную инстанцию – Предсоборное присутствие, после интенсивной работы которого в 1907 г. архиереи Синода снова обратились к царю с резолюцией о необходимости Собора, но получили отказ. Отказы на запросы Синода о созыве Собора последовали и в 1912, и в 1916 г. Одновременно с 1905 г. развивался личностный антагонизм Николая II и представителей высшего клира под давлением субъективных обстоятельств: крестьянин Г.Е. Распутин, способный улучшать состояние больного наследника-цесаревича, убедил царскую чету в преимуществах своего религиозного опыта перед формальными носителями благодати в церкви – архиереями и священниками. Архиереи, желавшие «открыть царю глаза», попадали в опалу, за лояльность фавориту царь вознаграждал назначениями на высокие церковные посты [см.: Фирсов, 2002].

Помимо кризиса отношений с государством самой церкви требовалось разрешить многочисленные внутренние противоре-

чия. Среди них вопрос о реформе низовой ячейки – прихода, превратившийся в вопрос о роли и правах в церкви мирян. В ходе предсоборных дискуссий обнаружилось два подхода. Первый – иерархический, когда церковь – организованная совокупность клира, исходя из чего административное понятие «приход» относится к храмовому сооружению, в котором клир обеспечивает богослужения, а прихожане не имеют прав на участие в управлении. Второй – раннехристианский, общинный, когда первичны люди, сознательно объединяющиеся вокруг храма, избирающие священника и других необходимых общине ответственных лиц (регента хора, церковного старосты и т.п.).

Другие внутрицерковные противоречия затрагивали отношения иерархично выстроенных церковных страт. Так, часть так называемого белого (женатого) духовенства тяготилась принижением своей роли в церкви относительно черного – монахов, поскольку архиереев «рекрутировали» исключительно из него. Ставилась многими под сомнение и практика Синода назначать епископами «чужаков», регулярные переводы архиереев в другие епархии. Столичные священники и поддерживающие их представители церковной интеллигенции в связи с этим выражали надежды на возвращение к двум практикам раннехристианской церкви – возможность для женатых священников становиться епископами и выборность епископов народом, проживающим на территории епархии, из клириков и мирян, имеющих хорошую репутацию.

К белому духовенству, в свою очередь, имели «классовые» претензии так называемые низшие церковнослужители (диаконы и псаломщики): при распределении жалованья на приходах (там, где оно выплачивалось из казны), а также доходов от треб, низшим чинам доставалась не равная со священниками, а в несколько раз меньшая доля. Сельские приходы оставляли причту возможность питаться, занимаясь крестьянским трудом, но и при выделении земли священник получал надел больше диакона и псаломщика.

Церковная революция: Утверждение выборного начала

Многочисленные церковно-государственные и внутрицерковные противоречия нашли свой выход в событиях церковной революции, наиболее полное освещение которой предлагает в своей

монографии историк П.Г. Рогозный [Рогозный, 2008]. В марте 1917 г. происходит первый акт революции – епископат без возражений принимает отречение царя, которое многие архиереи расценили положительно, как обретенную свободу и шанс на возрождение как самой церкви, так и России, расколотой политическими разногласиями и тяготами войны. Синод принимает новую формулировку ежедневной молитвы за власть, возносимой по традиции на богослужениях в каждом храме страны – вместо императорской фамилии там фигурирует «Временное правительство». Следующий этап – революция снизу, созыв инициативными группами в разных губерниях без санкций правящих архиереев или Синода новых органов – епархиальных съездов духовенства и мирян, куда выдвигались делегаты – от приходов, монастырей и благочиний. Съезды постановляли необходимость выборов для занятия руководящих должностей, решали судьбу епископов – некоторых изгоняли с кафедр. Выбирали в этот период на все церковные должности – от церковных старост и диаконов до настоятелей приходов и монастырей, митрополитов и епископов.

Помимо революции снизу, схожие инициативы по реорганизации церковной жизни стали поступать и от новой государственной власти. Обер-прокурор В.С. Львов рекрутировал в новый состав Синода епископов – сторонников реформ и несколько авторитетных представителей белого духовенства, в том числе из «группы 32-х». 29 апреля обновленный Синод выпустил послание «Архипастырям, пастырям и всем верным чадам Святой Церкви» с сообщением о скором созыве Поместного собора и указанием, что выборное начало должно быть проведено во все доступные для него формы церковного управления, в мае – указ «О привлечении духовенства и паствы к более активному участию в церковном управлении».

Наиболее яркими событиями церковной революции стали свободные выборы митрополитов в Петрограде и Москве, поскольку население отказывалось признавать права утвержденных царем митрополитов, считая их «распутинцами». Решения о выборах и о процедуре их проведения принимались на съездах духовенства и мирян. В обоих городах на приходах избирались делегаты – выборщики, при этом в столице на приходском уровне право голоса впервые получили женщины. Победителем петроградских выборов, проходивших в два тура, стал епископ Вениамин Гдов-

ский (Казанский), имевший безупречную репутацию и далекий от политики. На выборах в Москве в июне 1917 г. среди баллотированных кандидатов впервые в истории российской церкви был безбрачный мирянин, общественный деятель и бывший обер-прокурор А.Д. Самарин. В первом туре он лидировал, но во втором победил вынужденно оставивший из-за оккупации свою кафедру епископ Литовский Тихон (Беллавин). Свободные и честные выборы в двух столицах показали, что церковную власть народ готов был делегировать нравственно безупречным и несклонным к модернизму архиереям, далеким от политики.

Почти одновременно с выборами митрополита в июне 1917 г. в Москве собрался Всероссийский съезд духовенства и мирян. Со всей страны направлялись свободно выбранные делегаты, призывавшие для обсуждения постановления своих недавно проведенных епархиальных съездов и собраний.

Собор, его участники и решения

В условиях церковной революции состав участников Собора формировался на представительной и демократической основе: от каждой епархии избирались многоступенчатым голосованием по пять делегатов, из них три мирянина и два клирика. Также участвовали выборные делегаты, представлявшие не только церковные, но и общественные страты и органы власти: монашество, Академию наук и университеты, церковную профессию, армию, военное духовенство, Госсовет и Госдуму. Были и неизбираемые участники – весь состав Синода, члены Предсоборного совета, протопресвитер армии и флота, епархиальные архиереи, заместители ключевых монастырей. Несмотря на смешанный – выборный и «по должности» – характер формирования участников, большинство мест (299 из 564) получили миряне, имевшие равное с архиереями право голоса на пленарных заседаниях. Были созданы более 20 отделов и совещательных комиссий по основным вопросам, включая отношения церкви и государства, новые формы высшего церковного управления, приходскую и епархиальную реформы, женское служение в церкви и т.д. (для работы в комиссиях записывались все желающие). Подготовленные в отделах решения вы-

носились на общее голосование, предварительно проходя оценку Епископским совещанием.

Поместный Собор установил, что государство не вправе вмешиваться в управление церковью и ее внутренние дела. Тем не менее он решил исходить из признания государством принципа первенства православия среди остальных религий и необходимости «культурного сотрудничества» церкви и государства. Когда сторонники патриаршества выдвинули вопрос о целесообразности восстановления этого института, из-за большого числа делегатов, критически воспринявших такое предложение, он обсуждался в тесной увязке с определением о новой системе церковного управления.

В результате обсуждения, несмотря на принятое решение Собора о восстановлении патриаршества, высшей инстанцией церковного управления становился не Патриарх. Согласно определению Собора, *в Православной российской церкви высшая власть – законодательная, административная, судебная и контролирующая – принадлежат Поместному собору, периодически, в определенные сроки созываемому, в составе епископов, клириков и мирян.*

Соборы постановили созывать каждые три года (для переизбрания членов органов Высшего церковного управления (ВЦУ) и в случаях экстренной необходимости – избрания нового патриарха (Избирательный собор), для суда над патриархом (Архиерейский собор).

Для осуществления повседневной деятельности церкви в периоды между соборами утверждалась система трех институтов Высшего церковного управления (ВЦУ) – Священный синод, Высший церковный совет (ВЦС) и Патриарх. Собор мог требовать отчета от всех органов ВЦУ, включая Патриарха, принимать и рассматривать жалобы на деятельность ВЦС и Священного синода.

В функции Патриарха входило сообщение с другими православными церквями, представительство интересов церкви в общении с высшими органами государственной власти. «Патриарх мыслился более как заступник и представитель Церкви, нежели как обладатель особой власти с собственными правами и обязанностями. В контексте царской России главной целью была независимость Церкви по отношению к государству, а не независимость патриарха внутри Церкви» [Дестивель, 2008, с. 126].

В пользу восстановления патриаршества действительно приводили аргументы, далекие от чисто религиозных, – ссылались на

войну, в условиях которой нужен вождь, на внешнее давление политических сил, в диалоге с которыми нужен авторитетный представитель церкви; на приниженность относительно других православных и католической церкви, возглавляемых патриархами и папой соответственно. Но и приоритеты коллегиальности в управлении церковью были учтены: «либеральные защитники идеала соборности... включили вопрос о восстановлении патриаршества в законодательное определение о соборной форме высшей церковной власти и этим сделали из русского Патриарха конституционного председателя соборных учреждений, лишенного возможности стать церковным монархом» [Карташев, 1942], в результате «церковный строй оставался скорее парламентарным, нежели президентским» [Дестивель, 2008].

Для выборов патриарха на Соборе применили комбинированную схему – сначала выдвижение кандидатов и формирование их перечня, потом голосование в несколько туров с выявлением трех наиболее популярных из них; и, наконец, после молебна из бумаг с именами трех кандидатов вытягивался жребий рукой являющегося духовным авторитетом старца. Так был избран Патриарх Тихон (Беллавин), в июне 1917 г. выбранный в ходе церковной революции митрополитом Московским.

К ведению состоящего из архиереев Синода отнесены были вопросы иерархического, вероучительного, канонического и литургического характера. В Высший церковный совет (ВЦС), новый орган, избираемый на три года до следующего Собора, входили три архиерея – члены Священного синода, а также пять избираемых Собором представителей от приходского духовенства (любого ранга), один представитель от монашествующих и шесть от мирян. ВЦС должен был отвечать за административные, хозяйственные, финансовые, образовательные сферы церковного управления [см.: Цыпин, б. г.]. Председателем на заседаниях ВЦС считался Патриарх или кто-либо из замещающих его в этой роли архиереев Синода, но решения принимались простым большинством голосов.

Следующий блок решений Собора утвердил новый подход к статусу епископа, сформировавшийся в период церковной революции: выборность епархиального архиерея прямым голосованием; возможность выдвижения безбрачных кандидатов, включая белых священников и мирян, но с обязательством при избрании постричься в первую монашескую степень – «рясофор», невоз-

возможность перевода епископа на другую кафедру, за исключением чрезвычайных случаев.

Третьей сферой, где состоялось принятие важных реформ, стала приходская жизнь. Появилось определение, что приходом считается «общество православных христиан, состоящее из клира и мирян, пребывающих на определенной местности и объединенных при храме, составляющее часть епархии и находящееся в каноническом управлении своего епархиального архиерея под руководством поставленного последним священника – настоятеля» [Цыпин, б. г.]. Либеральной части делегатов импонировало исходное определение «приход – это общество из клира и мирян», консервативной – отказ от идеи выборности священников. Епархиальный архиерей имел право (но не обязан был) назначать клириков на приход, учитывая пожелания прихожан. Приходское собрание, собирающееся не реже двух раз в год, должно было также на выборной основе из церковного старосты, клириков и мирян сформировать приходской совет – исполнительный орган управления.

Отдельным достижением Собора стало решение вопроса о служении в церкви женщин. Им предоставлялось право избираться в приходское собрание, работать в приходских советах, избираться и участвовать в епархиальных собраниях; в случае необходимости женщины могли занимать должность псаломщицы, но без посвящения в клир.

Политика памяти церковной интеллигенции: Призрак церковной революции

Не только руководство РПЦ, но и православная интеллигенция, миряне и клирики, ученые и публицисты формируют коммемориацию Собора. Для них юбилей становится поводом озвучить критику официальной линии руководства РПЦ и напомнить: как и 100 лет назад, вопросы церковно-государственных отношений и внутрицерковные противоречия обострились до предреволюционной степени.

Редактор созданного православными мирянами независимого интернет-издания «Ахилла.ру» А. Плужников в посвященном юбилею Собора интервью с говорящим названием «Возможна ли революция в Русской православной церкви?» отмечает, что, не-

смотря на поступающие в редакцию схожие свидетельства рядовых клириков о давлении епископата, вымогании средств с небогатых приходов на непрозрачные статьи расходов руководства РПЦ, включая роскошные подарки епископам, приходские священники разобщены и не готовы заступаться друг за друга. Системную проблему автор видит в том, что «жизнь церкви в нашей стране всегда привычно подстраивается под государственную» [Плужников, 2017], этим он объясняет и демократические паттерны Собора 1917 г., находившегося в русле общественной демократизации. Закрепленную в современном Уставе РПЦ абсолютизацию власти епископата, невозможную ни в дореволюционной России, ни в СССР, где церковь во внутреннем управлении ограничивало государство, он называет противоположной идеям Собора.

Более жестко в посвященной столетию Собора публикации «Независимой газеты» церковный публицист протоиерей А.В. Кураев констатирует полное расхождение современной церкви с решениями Собора 1917 г. и причины такого расхождения: «в не-революционных условиях никто из начальников не готов хоть на йоту поступиться своими привилегиями перед лицом тех, кто ниже их и зависим от них: Патриарх не желает, чтобы в Синоде была хоть тень сопротивления его воле. Епископы не готовы терпеть никакой самостоятельности в духовенстве. Настоятелям... не нужны приходские собрания» [Скрыльников, 2017].

Кураев утверждает, что если в 1960-х годах советское государство по-своему защитило интересы мирян перед клиром РПЦ, назначив учредителем прихода «двадцатку прихожан, нанимающих священника» и лишив настоятеля прихода властных полномочий, то при патриархе Кирилле наблюдается иная крайность – полное бесправие прихожан, отчуждение храмов из собственности приходов в юрисдикцию епархии, фиктивность приходского собрания [там же]. Еще большей утратой достижений Собора 1917 г. протоиерей называет превращение в наши дни Высшего церковного совета из полноценного независимого института в орган, подконтрольный Патриарху, так как его члены не избираются, а получают место по должности, на которую и назначаются им самим. Так нивелируется решение Собора 1917 г. наделить выборный орган из клириков и мирян правом контроля над бюджетной политикой церкви, контроля и ревизии финансовой деятельности церковных структур.

Православный ученый и публицист А.С. Десницкий в посвященной юбилею Собора публикации «Костыли для иерархов» напоминает о страшном опыте 1917 г., когда церковь пострадала в том числе из-за тесной связи с государством, дискредитировавшей клир в глазах общества и народа. Автор рассматривает через призму идей Собора сегодняшнюю ситуацию с двух сторон, отмечая как стремление иерархов церкви иметь «костыли» в виде опоры на государство (от которой полностью не хотели отказываться и участники Собора 1917 г.), так и незаинтересованность мирян в активном и ответственном участии в жизни приходской и церковной. Причину Десницкий видит в непонимании епископатом «миссии не прихожан, а так называемых “верных” – составляющих численное большинство в церкви, если не понимать ее узко как корпоративную организацию клириков и монашествующих» [Десницкий, 2018]. С этой позиции «верные», как и в 1917 г., должны стремиться к участию не только в жизни прихода, но и в соборном руководстве церковью и в выработке повестки дня, иметь права и обязанности; без такой вовлеченности «верных» мирян в церковное управление в уязвимое положение между прихожанами и полагающим себя «носителем благодати» епископатом, по мнению Десницкого, попало приходское духовенство.

Протоиерей Г. Митрофанов в посвященной юбилею публикации «НГ» полагает, что реализация в наши дни постановлений и подходов к церковной жизни, принятых на Соборе 1917 г., невозможна, поскольку «многолетнее выживание в условиях гонений значительно усилило централизацию нашего церковного управления, а наше церковное общество, состоящее из сформировавшихся в советский период людей, отличается безынициативностью и потребительским отношением к церковной жизни» [Скрыльников, 2017].

В августе 2017 г. появилась и публикация на сайте православного Преображенского братства, сформировавшегося вокруг церковной общины священника Г. Кочеткова, с говорящим названием: «Вековой юбилей Собора, который принял “слишком демократические решения”» [Вековой... 2017]. Коллектив авторов раскрывает суть важнейших, по их мнению, достижений: «Предоставление инициативы “снизу” и установление на всех уровнях тесного контакта между верующими и их пастырями, наделение выборного органа – приходского собрания широкими полномочиями; возможности участия женщин в богослужении, проповедничестве,

церковном управлении; использование русского языка в богослужении по заявлению прихода и его благословению местным архиереем». Авторы не разделяют точки зрения на восстановление патриаршества как основное достижение Собора и подчеркивают, что на самом Соборе единогласия в вопросе восстановления патриаршества не было, в завершение отмечая, что «слабым местом Собора оказался вопрос отношений церкви и государства. Требуя для себя независимости, Собор тем не менее не мог смириться с мыслью об отделении церкви от столь давно поддерживавшего ее государства» [Вековой... 2017].

Заключение

Руководство РПЦ в политике памяти проводит идею преемственности революций и губительности трансформаций, не выделяя в интерпретации событий 1917 г. Февральскую революцию, имевшую для церкви позитивное значение, поскольку только отречение канонизированного впоследствии царя сделало возможным проведение необходимого церкви Поместного собора. Официальные коммеморации избегают упоминаний о церковной революции, послужившей не только подготовительным этапом Поместного собора, но и выдвинувшей плеяду выдающихся церковных деятелей, часть из которых погибли в ходе большевистских репрессий, а часть реализовали себя в эмиграции. Среди таких забытых событий церковной революции – избрание на Московскую кафедру будущего Патриарха (а впоследствии и канонизированного святого) Тихона Беллавина, авторитет которого был подтвержден дважды победами на церковных демократических выборах в 1917 г. (выборах Московского митрополита и Патриарха), в которых он счел возможным и правильным участвовать.

Политика памяти в дискурсе церковной интеллигенции формирует отличный от предлагаемой руководством РПЦ подход к церковной истории, церковным ценностям и приоритетам. В этом дискурсе признают, что Собор 1917 г. стал возможен только после революционной смены правящего режима, а легитимность и эффективность Собора были во многом обусловлены церковной революцией, утвердившей выборное и представительное начала как основу современной церковной жизни. Опосредованно

это является несогласием с признанием преступного характера любых политических перемен.

Кроме этого, неофициальный вектор политики памяти РПЦ о Соборе 1917 г. по-иному ранжирует приоритетность решений Собора. Принципиальным отличием становится то, что в этом модусе восстановленное патриаршество не является единственным заслуживающим внимания событием. Главное достижение Собора в рамках этого вектора политики памяти – решение о том, что вся власть в Российской Церкви принадлежит именно регулярно избираемому Собору, большинство участников которого – миряне, что отражает христианский взгляд на церковь как на совокупность верующих, а не административно-территориальную корпорацию клириков. Следующее достижение Собора в такой трактовке – решение о том, что рекрутирование в высшую страту церкви (епископат) происходит на открытой, выборной основе. Тему борьбы с коррупцией в церкви затрагивают авторы, напоминающие о создании на Соборе упраздненной в наши дни системы из трех органов Высшего церковного управления, один из которых – избираемый ВЦС в составе мирян и клириков, отвечал бы за финансовое управление и финансовый контроль. Коммеморация в данном случае сигнализирует о том, что в церкви, как и 100 лет назад, есть запрос на децентрализацию власти, на выборность епископата, на открытость и подотчетность высшего церковного управления регулярно выборному органу – Собору, объединяющему клириков, архиереев и мирян, где миряне являются не символическими, а полноправными участниками.

Официальную коммеморацию можно свести к тому, что все революции 1917 г. были преступны, поэтому промыслом свыше было восстановлено патриаршество как институт, символизирующий независимость церкви от государства, ее способность опереться на традиции в эпоху перемен, и являющийся краеугольным камнем в церковном управлении. Избегается упоминание фактов, затрагивающих проблему неоднозначных отношений Николая II с епископатом православной церкви, возможности конфликта церкви и государства, решений Собора о демократизации и выборности церковного управления, революции как способа решения внутрицерковных конфликтов. Современная эпоха жизни церкви с помощью такой избирательной коммеморации предстает идеалом – реставрацией досинодального патриаршества параллельно с во-

площением пожеланий участников Собора 1917 г. о культурном сотрудничестве с государством, которое, в отличие от времен Империи и СССР, не вмешивается в церковные дела, оказывая церкви поддержку.

Список литературы

- Балакишина Ю.В.* Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907: Документальная история и культурный контекст. – М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2014. – 424 с.
- Вековой юбилей Собора, который принял «слишком демократические решения» // Сайт Преображенского братства. – М., 2017. – 28 августа. – Режим доступа: <https://psmb.ru/a/vekovoi-iubilei-sobora-kotoryi-prinial-slishkom-demokraticheskie-resheniia.html> (Дата посещения: 20.04.2018.)
- Десницкий А.С.* Костыли для иерархов // Газета. ru. – М., 2017. – 14 июня. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/comments/column/desnitsky/10719857.shtml?updated> (Дата посещения: 20.04.2018.)
- Дестивель И.* Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности. – М.: Изд-во «Крутицкое Патриаршее подворье», 2008. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/assets/uploads/books/18926/1destivel_iakin_svyashchennik_pomestnyu_sobor_rossiyskoj_pra.pdf (Дата посещения: 20.04.2018.)
- Журналы заседания Священного Синода. – М., 2017. – 28 декабря. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5090389.html> (Дата посещения: 20.04.2018.)
- Истина минус компромисс // Российская газета. – М., 2017. – 26 ноября, № 743. – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/11/26/v-sredu-v-moskve-otkroetsia-arhierejskij-sobor-s-uchastiem-glav-pravoslavnyh-cerkvej-mira.html> (Дата посещения: 20.04.2018.)
- Карташев А.В.* Временное правительство и Русская Церковь // Электронная библиотека Одинцовского благочиния. – Опубликовано: Париж, 1933. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/vrem_p_i_cerkov (Дата посещения: 20.04.2018.)
- Карташев А.В.* Революция и Собор 1917–18 гг. // Портал «Азбука веры». – Опубликовано: Париж, 1942. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/revolyutsija-i-sobor-1917-18-gg/#0_9 (Дата посещения: 20.04.2018.)
- Конференция «Уроки столетия: Поместный Собор 1917–1918 гг.» состоялась в Москве // Древо-инфо. ru. – М., 2017. – 23 августа. – Режим доступа: <https://drevo-info.ru/news/22688.html> (Дата посещения: 20.04.2018.)
- Международная научная конференция «Собор и соборность: к столетию начала новой эпохи» открылась в Москве // Православие. ru. – М., 2017. – 15 ноября. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/108122.html> (Дата посещения: 20.04.2018.)

- Патриарх Кирилл назвал революцию 1917 года великим преступлением // РИА Новости. – М., 2017. – 19 февраля. – Режим доступа: – <https://ria.ru/religion/20170219/1488324263.html> (Дата посещения: 20.04.2018.)
- Плужников А. Возможна ли революция в православной церкви? // Московский комсомолец. – М., 2017. – 21 ноября. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/social/2017/11/21/vozmozhna-li-revoljuciya-v-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi.html> (Дата посещения: 20.04.2018.)
- Рогозный П.Г. Церковная революция. 1917 г. – М.: Лики России, 2008. – 224 с.
- Священный Синод установил празднование памяти Отцов Поместного Собора 1917–1918 гг. // Патриархия. ru. – М., 2017. – 4 мая. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4884967.html> (Дата посещения: 20.04.2018.)
- Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: Обзор деяний. Третья сессия / Сост. А. Кравецкий, Г. Шульц; под общ. ред. проф. Г. Шульца. – М.: Изд-во «Крутицкое Патриаршее подворье»: «Общество любителей церковной истории», 2000. – 432 с.
- Скрыльников П. Церковная свобода 100 лет спустя. Нужно ли решения Собора 1917–1918 воплощать в наше время? // Независимая газета. – М., 2017. – 6 сентября. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_religii/2017-09-06/14_427_hundred.html (Дата посещения: 20.04.2018.)
- Слово Святейшего Патриарха Кирилла после Литургии в день 100-летия открытия Священного Собора 1917–1918 гг. // Патриархия. ru. – М., 2017. – 28 августа. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4997468.html> (Дата посещения: 20.04.2018.)
- Смолич И.К. История Русской Церкви 1700–1917. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – 799 с.
- Сунайт Т. Собор будущего // Православие. ru. – М., 2017. – 24 августа. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/105948.html> (Дата посещения: 20.04.2018.)
- Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – М.: Духовная библиотека, 2002. – 624 с.
- Цыпин В., прот. Высший Церковный совет // Православная энциклопедия. – М., 2005. – Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/161111.html> (Дата посещения: 20.04.2018.)
- Чангин С. Ложный триумф Патриарха. Что показал Архиерейский Собор РПЦ // Carnegie.ru. – М., 2017. – 4 декабря. – Режим доступа: <http://carnegie.ru/commentary/74892> (Дата посещения: 20.04.2018.)
- Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: [в 2 т.]. – Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1954. – Т. 2. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/vospominaniya-poslednego-protopresvitera-russkoj-armii-i-flota/2 (Дата посещения: 20.04.2018.)
- Я надеюсь на революцию в РПЦ: Исповедь анонимного священника // Интернет-журнал «Ахилла». – 2017. – Февраль. – Режим доступа: <http://ahilla.ru/ya-nadeyus-na-revoljuciyu-v-rpts/> (Дата посещения: 20.04.2018.)